

ХАРАКТЕРЫ

Независимая газ. - 2001 - 14 июня - с. 13

НЕПРОСТОЙ ЧЕЛОВЕК

Юлий Гусман считает: чтобы быть хорошим, надо иметь хотя бы 51 процент положительных качеств

ЮЛИЙ СОЛОМОНОВИЧ, у вас имидж человека, который острит так же органично, как другие мужчины едят, пьют и читают газеты. К такому имиджу вы целенаправленно стремились или все произошло само собой?

— (Усмехается.) Я надеюсь, что я так же оригинально ем, хожу и читаю газеты. Но я никогда не стремился специально создать имидж остроумного и веселого человека. Мне кажется, что это вообще невозможно. Остроумие дается человеку от природы. Людям без самоиронии, юмора жить тяжело и общаться непросто. Они, как правило, надутые и чванливые. Если говорить обо мне, то не всем нравятся водопады шуток и поток фраз. Есть люди, которые от этого устают, есть люди, которые этого не выносят. В разных цивилизациях к юмору различное отношение. В нашей стране юмор гораздо больше. Он буквально пронизывает нашу часто совсем невеселую жизнь. Я это объясняю для себя так: долгая сытая жизнь, возможность спокойно говорить о том, что ты думаешь, не прибегая к иносказаниям и намекам, — все это несильно развивает юмор; мы же все время жили в атмосфере запрета, и у нас в этом плане все нормально. Но у наших писателей-юмористов есть проблемы и сегодня. Ведь перемешать отдельные высказывания Шандыбина и Жиринского, по моему, невозможно. Чем лучше мы станем жить и уравновешеннее, тем меньше будет поводов для иносказаний, иронии и аллюзий. Так постепенно, лет через 50—70, мы станем в быту такими же неостроумными, как, например, американцы или новозеландцы.

— Чувство юмора — это дар?

— Я не отношусь к этому как к дару. Юмор — сублимация, то есть замена, вытеснение собственных неумений и недостатков. Кроме того, заложенное природой остроумие, конечно, развивается. Самая большая проблема человека — это серьезное отношение к себе. Незаживший человек редко бывает остроумным и ироничным. Он скорее будет коварным, хитрым, тонким и ловким. Как правило, люди с юмором не бывают злыми уродами.

— Недавно на пресс-конференции вы пошутили: «Грачевский, прекрати разговаривать, а то сейчас включу твой «Ералаш», и все отсюда сразу разбежится». В своих шутках вы часто прибегаете к издевкам?

— Это обидная шутка, и так я могу шутить только с друзьями, когда меня знают и прощают. Я обожаю «Ералаш» и Боро Грачевского и потому могу в нашем кругу так пошутить. Если мы с вами не познакомились близко — я никогда не позволю себе шутку в ваш адрес. Иногда то, что я говорю, вообще воспринимается неадекватно. Однаж-

ды нам помогал в работе великолепный киновед. А я ее так неудачно поблагодарил, что она решила, что я ее ругаю, и даже заплакала. Пришлось потом специально объясняться и извиняться. Из-за моего сложного темперамента я или однозначно нравлюсь людям, или нет. Бывает, что от меня сильно устают. Помню одного оргсекретаря, который ценил меня как хорошего работника и очень меня уважал. Но стоило мне к нему войти, как у него сразу становилось такое несчастное лицо, что даже ему было понятно, что он хочет, чтобы я поскорее ушел.

— Участие в КВН предполагает способность принимать быстрое решение в экстремальной ситуации. А в жизни вы часто к этому прибегаете?

— Вы очень тонко подметили эту главную особенность КВН. Одно из лучших качеств кавээнщика — умение быстро и тонко соображать и участвовать в импровизационных конкурсах. Эти качества не зависят от чувства юмора, а скорее от индивидуальных черт характера. Я, например, гораздо лучше работаю в ситуации быстрого принятия решения, чем в ситуации долгого высуживания и обдумывания. Когда 15 лет назад я пришел в Дом кино, то мы с Виктором Мережко пытались сделать так, чтобы Дом кино из престижного кинотеатра, куда приглашают любовниц и дантистов на зарубежные просмотры, стал реальным культурным центром. Все тогда было внове, и приходилось принимать быстрые и важные решения по несколько раз в день. Это помогает мне и при работе над «Никой». Когда готовишь шоу, которое не можешь ни разу отрепетировать, то нужно быть готовым к любым ЧП. Финансовая, структурная и организационная недостаточность нашего шоу предполагает умение работать в экстремальных условиях. Это качество всегда нужно, особенно в наш век, когда каждый день вокруг происходят невероятные события.

— Когда люди видят вас, то они ждут от вас какой-либо шутки или розыгрыша?

— Да. Это для меня как тяжелый крест на всю жизнь, который мне во многом мешал, особенно когда касалось моей карьеры. Многие считали, что я просто несерьезный человек, одним словом — кавээнщик. Но имидж менялся. Вот вы говорите про остроумие, но я четыре года вел «Тему» и вел ее без особых шуток, по крайней мере на экране. Программа получалась достаточно серьезной. Поэтому, когда попытались сделать на ОРТ веселую, развлекательную программу, то, к нашему величайшему удивлению, реакция многих моих поклонников очень неожиданной была: «Ну что вы, зачем вам это надо? Ведь вы такой серьезный человек!

Зачем вам надо шутить?» Так что я не всегда знаю, что от меня сегодня ждут.

— Это вас напрягает?

— Раньше напрягало, но сейчас я уже большой мальчик. Мне уже карьеру делать не нужно, и из любого напряжения я выйду и выведу с собой других.

— Про вас говорят, что вы непростой человек. Как вы думаете, что ваши коллеги имеют в виду?

— Думаю, друзья вкладывают в понятие «непростой человек» один смысл, недруги — другой. Но что я человек непростой — это чистая правда. Может быть, имеется в виду то, что я кажусь таким шутником, а на самом деле бываю жестким и серьезным. Многие могут сказать, что у меня какие-нибудь серьезные связи и т.д. Я не знаю. Могу лишь сказать, что я никогда не понимал, что значит «простые люди». Ведь мы всегда жили непростой и экстремальной жизнью. У нас была одна маска для семьи, вторая — для работы, профсоюза и партийной организации, третья — для приятелей с пивом и т.д. Чем человек был выше и сложнее, тем больше он мог насчитать таких масок. А как может иначе быть сегодня, когда мы живем в стране не разрушенного до конца социализма, не начавшегося толком бизнеса, с нуворисшами, капиталы которых заработаны нечестным путем! Вот я про себя думаю, что я очень хороший, добрый и веселый человек. Но у кого-то я вызываю дикую зависть и злобу. Кто-то может сказать: «Приехал какой-то еврей из Баку. Какой же хитрый и богатый, что залез на престижное место директора Дома кино!» Это ведь сейчас Дом кино — обычный клуб, но раньше!.. Пальчики оближешь! Простить другому успех, славу и победы — для этого надо быть самому самодостаточным и уверенным в себе. Но в нашем мире даже самые большие звезды частенько не прощают успех другим. И так, кстати, во всем мире. Ко мне гораздо лучше относились некоторые, когда я был простым бакинским кавээнщиком. Но с термином «непростой» я все-таки полностью согласен.

— Не думаю, что режиссер, поставивший 7 фильмов и сотни телепрограмм, ставивший еще в конце 80-х спектакли по всему миру, человек, играющий в КВН до сих пор, ставший директором московского Дома кино и придумавший «Никку», человек, побывавший в кресле депутата Государственной Думы, — может быть простым человеком.

— Но вам приятно, когда вас называют непростым человеком?

— Я надеюсь, что есть на этой земле люди, которые под выражением «Ой, он такой непростой человек!» подразумевают, что он такой умный, гениальный, веселый и толстый. Но есть, наверняка, люди, которые думают иначе:

Юлий Гусман.

Фото Дениса Тамаровского (НГ-фото)

он хитрый, ловкий и вообще жирная свинья. Это абсолютно нормально, поэтому такое название не может быть приятным или неприятным. Если сегодня можно выпить ушат грязи на президента, премьера, великого правозащитника или гениального художника, то мне вообще обижаться грех. Я себя к великим не причисляю.

— В свое время вы окончили аспирантуру по специальности «Психология и психиатрия». Бывало так, что по одной внешности вы точно угадывали сущность человека?

— Очень часто. Но не характер человека, а что ждать от него и куда обещание с ним может привести. Есть такие тесты, которые автоматически возникают в разговоре, когда сразу легко можно распознать, с кем имеешь дело. Люди прокалываются, потому что за их обаянием или шутками всегда стоят конкретные поступки, легко прогнозируемые вещи. Дал или не дал в долг, налил или не налил чаю, позвал в кино или нет — элементарные вещи. Психология мне очень помогает. Однако это вовсе не значит, что я веду себя как психолог и думаю об этом в разговоре.

— Познания в психиатрии вы применяете для манипулирования другими людьми?

— Я никогда никем не манипулировал. Правда, и собой не позволяю.

— Но можно же определить тип человека и исходя из этого им управлять.

— Чем я лучше отношусь к людям, тем я к ним требовательнее. Зная чело-

веческий потенциал, я могу в него или верить, или нет. Как бы мне в глаза ни заглядывали, как бы ни изображали верность, как бы мне ни улыбались — я буду держаться на расстоянии, если не верю. А с людьми, с которыми мне приятно разговаривать, которые греют и радуют душу, в которых я уверен, что мы игроки команды, — я всегда буду с ними рядом.

— То есть получается, вы используете психологию как средство защиты от нежелательных людей?

— Можно сказать и так. Ведь люди устроены по-разному. С тех пор как я пришел работать в Дом кино, я практически не уволил ни одного человека. И не потому, что я не знал, что на меня писали целый год жалобы и стучали в КГБ. А потому, что я не верил, что смогу собрать суперкоманду суперлюдей. От одного взял энергию, от другого спокойствие и т.д. Я собрал все воедино, и мы работаем вместе уже много лет.

— Вы были депутатом Государственной Думы. Что доброго вы сделали, находясь на этом посту?

— Поскольку я был депутатом не местного совета, вопросы типа «почему у нас с водопроводом плохо?» возникали не так часто. К тому же я не очень люблю рассуждать о своих добрых делах, так как не видел ничего более отвратительного, чем избранный народом, раздающий верным пенсионерам грошвые подарки и трубный о своем милосердии. Наша фракция «Выбор России», которую возглавлял Егор

Гайдар, на мой взгляд, сделала очень много. Попал в Думу я не просто так, а потому, что Дом кино в течение многих лет был оплотом демократии. Здесь собирались все демократические структуры — от Ельцина до Попова. Было много и проблем, и неприятностей. Один раз я сидел в кабинете у телевизора, когда нынешний депутат Лукьянов, а тогда председатель Верховного Совета, сказал (в тот день войска были на улице), что «нам точно известно, что в Доме кино собрались 2 группы террористов, вооруженных рациями и оружием, общей численностью до 300 человек». Я чуть не обалдел, так как сидел в пустом кабинете — днем никого нет, только уборщица подметает. На мое счастье, в конференц-зале проходило совещание тележурналистов. Я сказал им: «Господа, поздравляю, вы — террористы!» Было много шума. Но все кончилось благополучно.

— Под вашим руководством Дом кино стал политическим и культурным центром столицы. Когда же его наконец отремонтируют?

— Если брать часть здания, где демонстрируют фильмы, то там все нормально: отремонтированный зал, отремонтированные кресла, самая современная проекция звука и самый большой экран в стране. Большие проблемы сейчас с другой частью здания, где находится Союз кинематографистов. Это здание старое, ему много лет, и капитальный ремонт давно необходим. Дом кино — это структура некоммерческая: у нас нет ни одного коммерческого предприятия, ни одной коммерческой структуры, ни одного ларька. Мы стараемся его сохранить бесплатным для членов Союза. Это, конечно, безумно трудно в наше время. Мы красиво отремонтировали видеозал с новой аппаратурой, мы реконструировали малый зал. Но все это непросто. К сожалению, часто бывает так: приходят инвесторы и говорят: «Мы вам все сделаем, но только вечером немножко будет казино».

— «Ника» — это отечественный аналог «Оскара». Но тягаться с «Оскаром» по части пышности церемонии бесполезно. На что вы делаете ставку в вашем шоу?

— Когда я придумывал «Никку», то даже не рассчитывал, что она станет аналогом «Оскара», потому что об «Оскаре» мы не знали ровным счетом ничего. Поэтому все придумывалось с чистого места, с нуля. Наше главное оружие — это самоирония. Мы стремимся сделать все весело, в атмосфере дружбы и юмора.

— Со стороны вы выглядите весьма доброжелательным человеком. А в жизни?

— В последние годы я стал гораздо мягче. Я вырос на Кавказе, где каждый отвечает за свои слова. Там нельзя никого безнаказанно обидеть и оскорбить. Когда я взрываюсь, то сам себя начинаю бояться, превращаюсь в некое подобие Конька-Горбунка. У меня из-под ногтей пар идет и уши стоят торчком, но я стараюсь держать себя в руках. С возрастом приходит мудрость. При этом я всегда бьюсь за дело. За дело и за правду я могу сделать все? что угодно. С первого дня работы директором я старался, чтобы в моей приемной в бессмысленном ожидании не сидел

ни один человек, в свое время я, как и все, натерпелся от этого. Вы, наверное, заметили, что моя дверь почти всегда открыта. Если я вижу, что меня ждет человек, то я выйду и скажу: «Извините, что у вас за дело?» Мне кажется, что было бы ужасно, если бы моя секретарша говорила: «Гусман не принимает. Он занят». Это уже был бы не я. И не Союз кинематографистов, то есть союз единомышленников, друзей, коллег (вернее, каким он в идеале должен быть).

— Вам кто-нибудь может отдать распоряжение в приказном тоне?

— С 1965 года ни разу еще не было, чтобы кто-то что-то приказал мне. Где бы я ни работал. Не потому, что я такой сверхнезависимый и смелый. Просто я не смог бы работать, если бы кто-то мне приказал. Даже когда я в ЦК комсомола Азербайджана работал (мне было 19 лет), то я сказал первому секретарю: «Я могу называться даже внештатным дворником, но я должен знать, что, кроме вас, мне никто ничего поручить не может».

— Вы для себя определили параметры: «Я работаю до тех пор, пока...»?

— Смотря чем заниматься. В Доме кино я работаю, пока он независимый клуб кинематографистов; занимаюсь «Никой», пока она честная и независимая премия, придуманная для счастья кинематографистов. Если она под кого-нибудь «ляжет» — я уйду. Но у меня никогда не было недостатка в проектах. Мне хочется и книгу написать, и спектакль поставить, и новый фильм снять.

— А что вы считаете своими недостатками?

— Мне кажется, что я бываю многословен, бываю неоправданно горяч, бываю слишком нетерпим. Я никогда не мог справиться со своей фигурой. Но, как принято говорить в рыночной экономике, если «контрольный пакет», то есть 50 процентов + 1 акция в человеке «хорошие», то и он ничего себе. Я очень надеюсь, что во мне хорошего значительно больше, чем 51 процент.

Из досье «НГ»

Юлий Соломонович Гусман родился в 1943 г. в Баку. В 1968 г. окончил Азербайджанский медицинский институт им. Нариманова, а в 1970 г. — аспирантуру. С 1965 по 1968 г. работал инструктором, а затем заведующим сектором ЦК ВЛКСМ Азербайджана. В 1965—1972 гг. — капитан бакинской команды КВН. В 1973 г. окончил Высшие курсы режиссеров и сценаристов Госкино СССР. С 1973 по 1988 г. работал на киностудии «Азербайджанфильм» режиссером-постановщиком. С 1976 по 1984 г. — художественный руководитель Бакинского театра музыкальной комедии, а с 1984 по 1985 г. — главный режиссер Бакинского театра песни. С 1993 по 1995 г. — депутат Государственной Думы. Является секретарем Союза кинематографистов Москвы и России, членом Союза театральных деятелей и Союза журналистов России, членом Московского комитета литераторов. Заслуженный деятель искусств России и Азербайджана. В настоящее время — директор Центрального дома кинематографистов, член Совета по кинематографии Минкультуры РФ.